

Лекарство от простуды излечило рак

Сегодня за обедом (28 июля 1969 года), прямо под этой легендарной большой вязовой, Эрвань с увлечением и вкусом рассказывал всякие истории, а односельчане слушали его с величайшим удовольствием. Как говорится, под большим деревом и прохладиться хорошо; это пространство под вязом было самой природой созданным местом для отдыха от жары, эдаким деревенским народным собранием. Все любили собираться здесь во время еды: каждый брал по огромной чашке с рисом, усаживался на корточки у земли и одновременно ел да ласы точил. Прохладный ветерок обдувал лица, и оттого жара почти не ощущалась.

Семья Вань переселилась в эту деревню в 1962 году в рамках кампании по отправке вниз. Старика звали Вань Цзинь, родом он был из провинции Хэбэй. Ростом высок, с четырёхугольным лицом цвета жареного каштана, мечами-бровями, большими глазами, носом в форме подвешенного бурдюка и широким ртом. Было у него три сына, и все три — вылитый отец. Старшего звали Вань Фогуан, среднего — Вань Фосяо, младшего — Вань Фотун. Как однажды проговорился в минуты веселья сам Вань Цзинь, в прошлом он работал библиотекарем в Северо-Западной армии Гоминьдана, поэтому дома у них хранилось множество книг. Из трёх сыновей лишь средний любил читать и вникать в суть, так что познания его были поистине обширными, за что односельчане уважительно величали его Вторым господином. А поскольку когда-то давным-давно жил на свете некий господин Чжугэ Лян, в деревне вошло в привычку всех ученых людей звать уважительно господами.

Стоило Второму господину выйти за порог со своей чашкой, как его жена Лун Юйсян непременно подначивала:

— Добро в животе забродило, опять пошел напоказ выставлать.

Среди собравшихся выделялась прекрасная молодая женщина по имени Лун Юйпин — вторая младшая сестра Лун Юйсян, то есть шуриновка Эрваня. Кожа у Юйпин была белой как нефрит, а лицом она напоминала небожительницу. И хотя сейчас она носила в себе большой живот, это ничуть не умаляло её изящества и красоты, а напротив, придавало особое очарование — ту самую притягательную беременную грацию. От неё так и веяло этим непередаваемым положением!

Юйпин вытянула шею, точно крюк мотыги, и с головой ушла в слушание, как вдруг фраза о романтике человеческого бытия, от которой не уйти, всколыхнула её мысли. Какая-то внутренняя сила сорвалась с цепи, пробила заслон точек на теле, и внизу живота тотчас резануло — да так нестерпимо, что впору было кричать. Она крепко сжала зубы, хмуро наморщила брови и подумала про себя: «Надо же, окаянный, не раньше и не позже вздумал родиться, именно при честном народе! Не роди — от боли сдохнешь, а родишь — со стыда сгоришь. И что теперь делать?»

Пока она обливалась потом, а тело и душа разрывались от невыносимой боли, матушка Гэ, женщина бывалая, сразу смекнула, в чём дело, гаркнула на мужей, чтобы те немедленно убирались с глаз долой, и, засучив рукава, бросилась принимать роды.

Только Юйпин собралась сквозь землю провалиться от стыда, как на небе произошла удивительная перемена — перемена, сыгравшая ей на руку: небо вдруг мгновенно почернело, хоть глаз выколи, не видно ни зги. Она преисполнена была глубокой благодарности небесам за то, что те сокрыли её тело от чужих глаз.

Едва матушка Гэ завершила роды, а Гуань Дапао на закорках принёс Юйпин в дом, как солнце снова вынырнуло из темноты — прямо как куриное яйцо из птичьего заднего прохода, ещё пышущее теплом.

Сыновья Второго господина Вань Шань и сын подхалима Ба Шань рвали свиной кормовой сорняк у подножия горы Фулун. Шагах в девяти от ребятишек на краю поля стояли две упряжки с плугами и боронами, а два погонщика сидели на комьях земли и покуривали трубки в перерыве — один Гуань Дапао, а другой — гладко выбритый по кличке Гоу Пи.

Мальчишки отчётливо слышали, как Гоу Пи затянул:

— Третий брат Гуань, поделись опытом!

— Каким ещё опытом?

— Ну, этим самым... Туда-сюда, а как зайти-то не получается?

— Ах ты паразит, опять чью-то дочку смутить надумал?

— Да я ж тебе про то и толкую, не вышло! А дело было так: аккурат в тот день, когда у тебя сын родился, пошёл я по делам на холм Цзюлиган и повстречал дивное чудо. Слышал поговорку: в полдень и черти с обезьянами тешатся? Истинная правда! Вижу своими глазами: из Могилы Сянгуна вылезает молодая красавица-призрачница. Чай, жара и нечисти донимает, вот она и скинула с себя всю одежку до единой нитки, легла навзничь на водную гладь остывать да всякие соблазнительные позы принимала — глаз не оторвёшь! Покрутилась так малость, видать, от скуки тошно ей стало, и позавидовала она коровам в горных ложбинах. А коровы как раз свадьбу играли. Порхнула она к коровьему стаду, дунула на ладонь — и выпустила два луча очарования. Быки вмиг забыли про корову и на неё перекинулись. Ну, я тоже под её чары попал: будь она хоть человек, хоть демон, бросился очертя голову, схватил да ну прижимать — туда-сюда, а внутрь никак! Она, видать, со смеху меня напугать решила. Вдруг раз — и обернулась мужиком, тоже отрастила себе пружину и давай надо мной глумиться. Спасибо, ноги у меня быстрые да смельчак я знатный, унёс ноги, не дала до смерти испугать. Напоследок она выдала протяжный призрачный вопль и пустила ветры. Да какой там ветер — страсть просто! Сквозь её голый зад так и повалили густые клубы чёрного дыма, в мгновение ока заслонив солнце. А как дым рассеялся, она уже всех трёх быков с костями умяла и обратно в могилу ушла. До сих пор жалею, что опыта не хватило! С той поры каждую ночь мечтаю: будь у меня опыт, зашёл бы я тогда, глядишь, она бы удовлетворилась да и не стала меня пугать, а то и вовсе увязалась бы со мной в жёны на долгие годы! А попадись на моём месте ты, как бы зашёл?

— Чай, думаешь, я трёхлетний сопляк? Сложил пару бредней про призраков, думаешь, вытянешь из меня про супружеские дела, чтобы потом всем байки травить? Мечтай! Не такой уж я дурносвет!

Сказано было без задней мысли, да упало на благодатную почву. Эти пять слов Гоу Пи — туда-сюда — вошли в головы двух мальчишек, словно пять свинцовых пуль. По своему весу и разрушительной силе для пяти-шестилетних детей это было нечто невиданное и невыносимое, и даже самый искусный хирург не смог бы извлечь их оттуда — сидеть им там до конца дней. Слишком уж необычные это были слова и образы, слишком сильно взбудоражившие их детские умы. Ребятишки толком не понимали, куда это туда-сюда надо соваться, но судя по тому, с каким жаром взрослые обсуждали эту тему, место это было самым таинственным и чудесным на свете, и побывать там наверняка хотел бы каждый.

Мальчишки заслушались так, что у них аж сердце заколотилось от сладостной дрожи. Они уже приготовились подхватить корзины и смыться, но Дапао заметил их и окликнул:

— Шаньва! Эй, вы оба — Шаньва! Ван Шаньва, передай отцу, чтобы сегодня вечером ждал меня дома, у меня к нему дело!

Ближе к вечеру в главной комнате дома Эрваня за чаем собрались хозяин и гость.

— Третий брат, зачем звал?

— Старший брат (жена Эрваня доводилась старшей сестрой жене Дапао, отсюда и такое обращение), ты у нас в здешних краях человек видный, самый башковитый, знаменитый на всю округу, чей авторитет не оспоришь, так что хочешь попросить тебя развеять мои сомнения!

— Ну полно тебе, брось! А то от таких похвал у меня на макушке косичка дыбом встанет да в крыше дыру прождет — потом ведь заставишь латать за свой счёт! Ха-ха! Ну, давай выкладывай, что за сомнения?

— Вот думаю я: уж не оборотень ли мой сынок? Если и впрямь нечисть, так лучше сразу утопить его в ночном горшке, пока не поздно.

— С чего ты взял?

— Сам посуди: родился не вовремя, так еще и в самый момент появления на свет всё затянуло черным дымом, точь-в-точь как в Путешествии на Запад, когда демоны оборачиваются.

— Неверно ты рассуждаешь. Нет в этом мире никаких демонов и оборотней. На самом деле всё проще: время рождения племянника просто совпало с солнечным затмением. С материальной точки зрения между ними нет никакой связи, зато с духовной — связь колоссальная! То, что мальчик появился на свет в такой момент — знак его избранности, с чем я тебя сердечно и поздравляю! Сам знаешь, дух — вещь капризная, руками не пощупаешь, глазами не увидишь, а влияние на человека оказывает колоссальное. Всё потому, что он исподволь управляет людьми, прямо за сердце держит и заставляет себе подчиняться, точно Сунь Укун, усмиривший духа Железного Веера. Примеров тому масса, я тебе всего парочку приведу. Ты помнишь, как пару лет назад умер Хань Ван из Хангоу?

— Я тогда в школе гражданской авиации у дяди Вана плотничать учился, только и слышал, что его не стало, а подробностей не знаю.

Второй господин поднял чёрную глиняную пиалу, приподнял её в знак приглашения отведать чаю, сам сделал небольшой глоток ивы и поставил пиалу обратно на резной ясеневый стол,

покрытый свиной кровью и лаком.

— Мы с Хань Ваном неплохо ладили, он частенько хаживал через горы послушать мои рассказы о былых династиях, — продолжил он. — За пару месяцев до смерти он как раз заходил — это была наша последняя встреча. Жаловался на легкую простуду, я тогда посоветовал ему сходить в больницу Сункана. А потом в их селе некто Хань Ху обмолвился, будто тот отправился на свидание с Марксом. Причина смерти тогда оставалась неясной, и только в этом году люди стали передавать такую историю: пришел он в больницу Сункана, а там врач попался рассеянный по фамилии Гоу Най — говорят, он с нашим деревенским Гоу Пи в каких-то дальних родственных связях состоит. В то же время к нему на прием обратился больной раком из Ляньхуаяня по имени Рао Синфу. Почерк у Гоу Най был такой размашистый, что медкарты напоминали небесные письма. Оба пациента сразу зауважали врача за столь мудреный почерк — раз не разобрать, значит, сам виноват, что грамоте не обучен! А раз человек медициной занимается, да еще высшей — академической, тут тебе и строгая научность, и лекарства строго по профилю, пациентам и в голову не пришло искать подвох. На деле же он просто перепутал им рецепты, а те утащили их по домам, радуясь как сокровищу. Тот Рао Синфу до этого уже обследовался в других местах и прекрасно знал, что у него рак, но вернувшись домой и взглянув на рецепт, он увидел надпись: [Показания]...применяется при простуде... До него вдруг дошло, что прежде ему поставили ложный диагноз, никакого рака у него отродясь не было, а всего лишь банальная простуда! Радости его не было предела, настроение мгновенно улучшилось. Принял он лекарство от простуды и завалился спать под двумя одеялами. Тело основательно пропотели, жар от лекарств выжег все раковые клетки на корню! Пролил с десяток потов и почувствовал себя легким, как небожитель. Ни за что не поверишь, а рак взял да и вылечился простудным порошком! А наш бедолага Хань Ван, вернувшись домой, обнаружил в рецепте противораковые средства. Внутри у него всё оборвалось, тело прошиб ледяной озноб, словно током ударило; сердце заledenело и онемело, и сам он будто между мирами завис. С той минуты он каждую секунду вздрагивал от любого шороха, колени тряслись, руки ходили ходуном, и страх преследовал его день и ночь. Простуда его и так уже истощила, а от такого смертельного испуга не прошло и двух месяцев, как человека не стало. Принесенные из больницы лекарства так и пролежали до самой его смерти запечатанными, ни одной таблетки не выпил.

Дапао слушал собеседника и одновременно крутил сигарки. Скрутив две штуки, он протянул одну Вань Цзиню. Тот взял, прикурил, затянулся и выпустил из ноздрей две струйки дыма:

— Приведу тебе еще один пример мощного воздействия психосоматики! Знаешь старика Хэ? У них в роду все до единого пропойцы, где бы они столько денег на покупку вина нашли? Вот старик Хэ и научился у одного хэбэйского родственника ставить желтое вино. Вино это из жмыха с крепкими дрожжами получалось багрово-красным; я пробовал — на вкус отменное, да и с ног валит крепко. Помнишь, позавчера у них пожар случился? Дома были только старик Хэ да его младший сын Ганва. Другого добра старику было не жалко, а вот свежепоставленный чан с вином загубить никак нельзя. Бросились они вдвоем в дом, ухватились за этот чан. Чан большой, а дверь узкая — еле-еле протащили наружу. Как огонь потушили и хату кое-как подлатали, старик Хэ, Ганва и сам старик решили затащить вино обратно. Дверь та же, чан тот же, только народу прибавилось, а чан в дверном проеме застрял — крутят его так и эдак, бились-бились, а занести не могут. Скажи, не мистика ли? А следом за этим приключился еще один комичный случай, я тебе сейчас расскажу. Как раз когда у них ничего не получалось, прибежал старший сын по кличке Бэйцзы на помощь. Не стал разбираться, в чем дело, с ходу уперся головой и давай толкать. Те трое упираются внутрь, а он изо всех сил наружу — ну как тут занесешь? Наконец Ганва пригляделся, понял, в чем дело, и говорит: Мы тут в перетягивание каната играем, точно не протолкнем. Старший брат, ты сначала разберись, куда

тащить! Бэйцзы отвечает: Я думал, раз в доме всё гарью протухло, разве не всё имущество выносить надо? Ганва кричит: Ошибаешься, заносить внутрь! Ладно, раз внутрь, так внутрь! — сказал Бэйцзы и что есть мочи толкнул чан вперед, а те трое как раз в этот момент ослабили хватку. От его толчка чан наконец влетел в дом, да так шустро, что и вино расплескалось. Старик Хэ и ругать Бэйцзы забыл, бросился на землю и давай хлебать. Нахлебался от души, потом поднял голову посмотреть, чем заняты сыновья. Глянул — и кровь в жилах застыла: все трое стоят столбами, рты пораскрывали и тупо смотрят, как он один пьет! Погрозил он им пальцем и взревел: Чего стоите, истуканы? Закуску ждете, что ли? Тут сыновья словно от удара молнии очнулись и сами попадали на землю, присоседившись к выпивке.

— Ха-ха-ха! — Дапао едва сдерживал смех. — Хватит уже рассказывать, у меня от смеха живот разрывается и кишки чуть не надломились.

С трудом уняв смех, он протянул Эрваню ещё одну сигарку и продолжил:

— А при чем тут, по-твоему, этот психологический настрой и мой новорожденный сын?

Второй господин принял сигарету, чиркнул бензиновой зажигалкой и произнес:

— Что такое суеверие? Суеверие — это придуманные предками способы утешения, передающиеся из поколения в поколение. Шаманки вон тоже людей лечат, и порой успешно. А секрет прост: они выступают в роли психотерапевтов. Мир духов слишком тонок и невесом: во что веришь — то и существует, во что не веришь — того нет. И раз уж от этого есть польза, почему бы охотно не поверить?

Дапао недоуменно спросил:

— Ребенок только на свет появился, а ты уже разглядел у него какую-то хворобу? То по бабкам-знахаркам гадаешь, то по врачам — совсем меня запутал!

— И впрямь, языком молоть ты мастак, а слушать не умеешь. Послушай-ка дальше! То, что рождение племянника совпало по времени с солнечным затмением — чистейшая случайность, но люди суеверные разве станут рассуждать иначе? Разве удержишь их от домыслов? Народец наш любит судачить, будто кто-то родился под дурной звездой, но у племянника звезда оказалась почище прочих — он само солнце задел! Раз уж все уверовали, что он помечен дурным знаком, то и смотрят на него косо, и обращаются иначе. Люди так и норовят взять его в ежовые рукавицы, держать в узде своими косыми взглядами, так что хочешь не хочешь, а придется парню идти особой дорогой. Сам-то он поначалу ничего не поймет, а вот подрастет — и непременно узнает о своем рождении. И тогда из самых глубин души, из самого костного мозга в нем проснется стремление вершить великие дела и стать необыкновенным человеком. Сам знаешь, быстрота машины зависит от мощности мотора. Человеческое сердце — это мотор человеческой жизни, и если у племянника сердце окажется не таким, как у всех, быть беде... тьфу ты, вернее, быть великим свершениям! Помяни мое слово, парень создан для больших дел!

От таких речей у Дапао аж челюсти свело, он сидел и тихонько ухмылялся в усы. Наконец совладав с собой, он произнес:

— Ну ладно, хорошо шутить над театром, а то и впрямь кишки от смеха полопаются. Кстати, я ведь к тебе по делу пришел.

— Какому еще делу?

— Сам видишь, некоторые родители в нашей деревне возомнили о себе невесть что и называют детей всякой всячиной вроде Тыквенной Бороздки, Свиного Навоза или Гоу Пи — ну просто срам какой-то, сплошная деревенщина! Ты человек грамотный, вот я и хочу попросить тебя дать моему сыну имя — звучное, красивое. Ты ведь вон сыновьям Янь Шу какие славные имена подобрал: старшего брата — Чуньфэн, сестрицу — Минюэ. Говорят, они еще из какого-то стихотворения взяты, вроде Весенний ветер полон имбиря, да некому продать, когда же лунный свет вернет мне долг, так ведь?

— Ошибаешься, стих звучит так: Весенний ветер вновь зеленеет на берегах реки Цзяннань, когда же лунный свет осветит моё возвращение домой.

— Эх я, мастер только конфуцианские мудрости коверкать! Ну, пусть будет по-твоему. Какую же строчку ты мне посоветуешь для сына?

— Да зачем стихи искать, когда готовое есть под рукой.

— Это какое же?

Какое же имя Второй господин решил дать сыну Дапао? Узнаем из следующей главы.

<http://bllate.org/book/22008/2287955>